

«Застой» как общественное явление: три источника, три противоречия и четыре составных части

С точки зрения общей логики, «застой» может рассматриваться как один из видов вполне определённого типа исторической ситуации, а именно: ситуации стагнации (как правило, временной) в развитии общественной системы. В этом качестве он подлежит исследованию методами политико-ситуационного анализа, наряду с другими типами исторических ситуаций (революционная ситуация, ситуация революции, постреволюционная ситуация, война, ситуация реформ, ситуация экономического или политического кризиса, ситуация общественного подъёма и т.п.). Оставляя на будущее анализ данного типа исторических ситуаций, отметим некоторые его особенности в позднесоветское время.

«Застой» как историческая ситуация: три источника

На мой взгляд, общественное явление, которому в конце 1980-х гг. было присвоено имя «застой», имеет, как минимум, три предпосылки, если угодно – три источника.

Первый источник – окончание предшествующей эпохи в развитии страны, содержанием которой были революции, войны и радикальные постреволюционные преобразования. Когда в 1960-е гг. в официальное употребление были введены термины «развитой социализм», а затем – «реальный социализм», за ними скрывалось вполне определённое содержание, а именно: то состояние общества, которое удалось сформировать в более или менее стабильной форме при данных исторических условиях.

Понятно, что от революции как исторической ситуации, ситуация «застоя» отличалась едва ли не столь же сильно, как небо от земли:

- революция – чрезвычайная ситуация, а «застой» – штатная, т.е. обыденная, с преобладанием повседневности и т.п.;
- революция – ситуация множественных катастроф, а «застой» – период относительной стабилизации (о чём ниже);
- революция – радикальное отрицание прошлого и порыв в будущее, а «застой» – утверждение настоящего;
- революция – период аномии, т.е. разрушения прежней системы норм и ценностей, а «застой» – время возвращения к традиционным ценностям (не случайно «Моральный кодекс строителя коммунизма» фактически представлял собой переписанные на новый лад библейские заповеди);
- революция – всеобщий конфликт, а «застой», по крайней мере, официально – время бесконфликтности или угасания конфликтов;
- закон революции – смена элит, а закон «застоя» – их стабильность, вплоть до геронтократии и т.п.

Но не менее важны и другие противоположности:

• революция – «праздник» в культурологическом смысле слова, предполагающий не только карнавализацию (переодевание исторических деятелей в костюмы лидеров иных эпох), но также резкое расширение границ свободы и приобщения народа к историческому действию. Напротив, «застой» – это будни, неизбежно наступающие после праздников. И как бы не пытались авторы известной песни доказать, что «трудовые будни – праздники для нас», социальное самочувствие людей в данной ситуации радикально отличается от эмоционального состояния участников революционных событий;

• революция – время крушения прежних и стремительного формирования новых политических мифов. «Застой» же – период относительного реализма. При этом вера в

скорое наступление «светлого будущего» действительно помогает революционерам ускорить историческое время, тогда как в эпоху «застоя» его течение явно замедляется¹.

При значительных достоинствах эпохи, о которых речь пойдёт ниже, следует обсудить одну важную гипотезу, а именно: поскольку новый общественный строй, по замыслу разработчиков социалистической теории, мог реализоваться, лишь опираясь на творчество масс (а значит – на их энтузиазм), возникает вопрос о возможности его существования в спокойных (нечрезвычайных) исторических условиях, когда этот энтузиазм неминуемо ослабевает. Нечто подобное происходит, когда романтическая любовь сталкивается с «прозой жизни» или когда велосипедист, прекрасно поддерживающий равновесие на ходу, пытается сохранить его в состоянии покоя. И действительно: новое общество, доказавшее свою «конкурентоспособность» по отношению к старому в чрезвычайных социально-политических условиях (революция, гражданская война, пятилетки, едва ли не величайшая в мировой истории Победа в 1945 г. и т.п.), начало проигрывать сопернику, как только соревнование было перенесено в область повседневной жизни (быт, уровень и качество потребления и др.).

Второй источник «застоя» – это замедление темпов экономического развития как по естественным, так и по «противоестественным» причинам.

К первым, на мой взгляд, относится т.н. затухающая экономическая кривая. Давно доказано: при прочих равных условиях более высокие темпы прироста способна дать экономика с более низким уровнем. Попросту говоря, единица, прибавленная к двум – это 50% роста, а та же единица, приплюсованная к четырём – только 20%. Разумеется, как и большинство других общественных закономерностей, это правило действует лишь как тенденция, среднестатистически.

Интересно, что ещё на рубеже 1960-х гг. этого не хотели признавать, например, разработчики третьей программы КПСС. Вопреки экономическому реализму, они запланировали более или менее реальные темпы экономического развития в первое десятилетие реализации программы (до 1970 г.), но зато во второе десятилетие предположили рост этих темпов в 2-4 раза. Напротив, экономисты эпохи «застоя» вынуждены были *de facto* признать данную закономерность при составлении планов на 1971-1975 и последующие пятилетки.

Между прочим, сопоставляя темпы экономического развития СССР с индустриально развитыми странами, следует отметить: до середины 1960-х гг. наши темпы были более высокими; до середины 1970-х гг. – сравнимыми; и лишь позднее сокращение разрыва в уровне экономического развития сменилось его постепенным нарастанием. Понятно, что замедление экономического роста стало одной из составляющих «застоя» также и в массовом сознании, которое сравнивало в этом отношении новую эпоху с предыдущей. Причём в экономике «застой» отнюдь не означал полной стагнации: даже в 1981-1985 гг. темпы экономического роста составляли около 2%, что считается вполне благополучным по мировым стандартам.

Ключевая экономическая проблема лежит в другой плоскости: административная система оказалась плохо приспособленной для восприятия нового витка научно-технического прогресса. И если В. Ленин вполне справедливо полагал, что новый общественный строй способен победить старый лишь в том случае, когда он достигнет более высокой производительности труда, то «реальному социализму» добиться этого явно не удалось.

Повторю: «застой» в экономическом смысле означал не буквальную стагнацию экономики, но значительное (по сравнению с предыдущей эпохой) замедление темпов её развития и нарастание технологического отставания от наиболее передовых стран.

¹ Подробнее о революции как исторической ситуации см.: Смолин О.Н. Образование. Революция. Закон. Проблема законодательного обеспечения российской государственной образовательной политики 90-х годов. Часть I. Новейшая революция в России. Опыт политико-ситуационного анализа. – М.: ООО «ИПТК «Логос» ВОС», 1999

Третий источник «застоя», о котором говорят едва ли не все исследователи – это благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура, в особенности после нефтяного кризиса 1973 г., когда на Советский Союз пролился «золотой дождь» нефтедолларов, за счёт которого во многом были обеспечены, с одной стороны, военно-стратегический паритет с США, а с другой – относительно высокий (по отечественным меркам) уровень жизни, о чём речь пойдёт ниже.

Советский «застой»: составные части и исторические особенности

В конце 1990-х гг. от друга – профессора однажды услышал: «Ох, как я хочу в эпоху застоя!...». И дело не только в том, что в конце XX в. население России сполна испытало справедливость китайского проклятия: чтоб тебе жить в век перемен! Дело и в том, что советский «застой» как историческая ситуация отличался целым рядом видовых (исторических) особенностей, в т.ч. позитивного характера. Вот лишь некоторые из них.

1. Социальная стабильность (хотя, как позднее выяснилось, и временная) и связанный с нею достаточно высокий, по отечественным меркам, уровень (а особенно качество) жизни. Поскольку всё познаётся в сравнении, приходится признать, что спустя почти четверть века после окончания эпохи по многим социальным показателям постсоветская Россия всё ещё уступает СССР. Вспоминая А. Дюма, назовём это сравнение «20 лет спустя»:

- зарплата начинающего учителя (не в Москве, но в нестоличных регионах России) – ниже в 2-2,5 раза. При этом в советский период мы справедливо критиковали власть за недооценку квалифицированного труда. Популярной была грустная шутка: в Советском Союзе, чтобы мало получать, нужно долго учиться;

- средняя пенсия – примерно вдвое ниже. По последнему советскому закону пенсия должна была составлять от 55% до 75% от заработной платы, а к 2009 г. т.н. коэффициент замещения оказался на уровне менее 25%;

- расчётная стипендия студента вуза – в 4 раза ниже (20 лет назад она составляла около 80% от прожиточного минимума, а в настоящее время – около 20%);

- расчётная стипендия студента среднего специального учебного заведения (техникума, колледжа) – примерно в 8 раз ниже (с 55% от прожиточного минимума она упала до 7%);

- расчётная стипендия учащегося ПТУ – в 11 раз ниже (сократилась с 80% прожиточного минимума до 7%).

Не удивительно, что не только друг – профессор, но и очень многие люди старшего поколения убеждены (и вполне справедливо), что в эпоху «застоя» они жили много лучше. Так, знакомый художник жаловался автору: раньше на свою пенсию в 120 рублей я мог сесть в самолёт, долететь из Омска до Москвы, пожить в гостинице «Россия», сходить на несколько выставок и вернуться обратно; теперь же её хватит в лучшем случае на то, чтобы долететь до Челябинска.

Точно так же автор, будучи доцентом, платил за квартиру лишь 5% от собственной зарплаты, а её месячный размер равнялся как раз стоимости двух путёвок за полную стоимость в санаторий на Северном Кавказе. В настоящее же время бюджетная доцентская зарплата составляет лишь около четверти цены аналогичной путёвки и т.п. С этой точки зрения, эпоху «застоя» можно назвать и периодом расцвета социальных гарантий.

Заслуживает внимания оценка профессора И. Гундарова, в первой части совпадающая с точкой зрения зарубежных экспертов: если уровень жизни в СССР был примерно вдвое ниже, чем в развитых странах Запада, то качество жизни (учитывая бесплатное образование, бесплатную медицину, почти бесплатное жильё и высокий уровень социальной безопасности) было вполне сравнимым.

2. Уровень социального равенства, явно превосходивший возможности экономики и во многих случаях формировавший антистимулы к труду.

Общеизвестно: современная цивилизация вот уже много десятилетий находится в поисках оптимального сочетания меры экономической свободы и эффективных стимулов к труду, с одной стороны, и социального равенства – с другой. Вокруг этой темы вращаются, в частности, дискуссии между социал-демократами и либерал-консерваторами во всём мире, а также периодически происходящая смена левых и правых правительств в развитых странах. Подчеркну: стандартные представления, будто социальные гарантии автоматически приводят к снижению конкурентоспособности экономики, не выдерживают проверки практикой. Достаточно сказать, что в первую десятку стран мира, выстроенных по рейтингу конкурентоспособности экономики, наряду с США и азиатскими «тиграми», регулярно входят и социальные государства Скандинавии. Тем не менее, уровень социального равенства, превышающий возможности экономической системы, приводит к замедлению темпов её развития.

Именно этот фактор, наряду с упоминавшейся выше «затухающей экономической кривой», повлиял на экономику «застойного» периода. Квалифицированный труд в 1970-е – первой половине 1980-х гг. оказался явно обесцененным, что резко снизило трудовую мотивацию. Так, например, в конце 1930-х гг. заработная плата инженера по отношению к доходам рабочего была, как минимум, вдвое выше. Напротив, в ситуации «застоя» они практически сравнялись, и, более того, инженер нередко получал меньше, чем рабочий. Отражением ситуации стала известная шутка из монолога А. Райкина: «товаровед, обувной отдел – как простой инженер!». В свою очередь, отсутствие мотивации к высококвалифицированному труду усиливало невосприимчивость чрезмерно жёсткой плановой системы к достижениям новой волны научно-технического прогресса.

В конце 1980-х гг. М. Горбачёв справедливо критиковал предшественников за создание общества, как будто «выглаженного утюгом» и по этой причине лишавшего людей трудовой мотивации. Однако затем собственные не имеющие ясного плана реформы М. Горбачёва, а в начале 1990-х гг. – и новейшая российская революция, привели к формированию общества глубочайшего и никак не основанного на личных заслугах социального неравенства. Практически по всем его показателям Россия стремительно обогнала сначала Западную Европу и Японию, затем США, а в последствии – и многие страны Латинской Америки. При этом сохранившие объективность и здравый смысл социологи стали напоминать элитам, что превышение определённого уровня социального неравенства грозит стране новыми потрясениями. Другими словами, проблема была не решена, но превращена в собственную противоположность, ещё более опасную для общества.

3. Расширение политической свободы, переход от тоталитарного политического режима к авторитарному. Оговоримся сразу: расширение по отношению не к «оттепели», но к периоду сталинского правления.

В настоящее время во многих учебниках истории для школ и вузов политический режим на протяжении всего периода характеризуется как тоталитарный, что вполне соответствует идеологии «Краткого курса истории ВКП(б)» наизнанку, принятой в постсоветский период. В действительности любой объективный наблюдатель не может не отметить различную жёсткость политических режимов и их значительные отличия в 1920-х гг., 1930-х – начале 1950-х гг., при Хрущёве и при Брежневе с его наследниками. Если бы авторы отечественных учебников чуть меньше писали, повторяя стандартный набор идеологических глупостей, и чуть больше читали, они наверняка обратили бы внимание на трактовку понятия «тоталитаризм» у одного из классиков политической науки Х. Арндт. Согласно этой трактовке, тоталитаризм не может сводиться к репрессиям. Он наступает тогда, когда народ, «устав от свободы», отказывается от неё в пользу власти, поддерживая политического лидера диктаторского типа. С этой точки зрения,

тоталитарным в строгом смысле слова может быть назван лишь сталинский режим 1930-х – начала 1950-х гг., но никак не режим Н. Хрущёва или даже Л. Брежнева.

Значительное ослабление меры политического насилия явно сказалось, с одной стороны, на качестве жизни в целом, а с другой – на её культурной составляющей, о чём речь пойдёт ниже. Вместе с тем, не заменив страх и энтузиазм новыми стимулами к труду, в условиях высокого уровня социального равенства, власть ещё более ослабила эти стимулы, снижая темпы экономического и общественного развития в целом.

4. Гуманистический характер массовой культуры. В период «застоя» отечественная духовная культура в её массовых проявлениях в значительной степени ослабила интерес к глобальным историческим и политическим проблемам (который был естественным в эпоху революции и войн) и обратилась к человеку. При этом, в отличие от западной «массовой культуры», которая, по выражению И. Эренбурга, испытывает интерес, преимущественно, к его нижней половине, отечественное искусство явно отдавало предпочтение половине «верхней», включая, прежде всего, смысложизненные проблемы. Явной или неявной идеологической основой новых направлений и новых подходов со времён «оттепели» оставался «социализм с человеческим лицом» (позднее в одной из передач радио «Свобода» уже в 2000-х гг. это признал один из лидеров поэтического творчества эпохи Е. Евтушенко).

Отражением тенденций массового сознания служила массовая песня. В несколько упрощённой форме это выглядит так.

Начало 1950-х гг.:

Я люблю тебя так,

Что не сможешь никак

Ты меня никогда, никогда, никогда разлюбить!

Начало 1970-х гг.:

Благодарю за то, что по судьбе прошла,

За то, что для другого сбудешься...

Конец 1980-х гг.:

Мы в сердце у женщин гости.

Была любовь, да улетела.

Начало 1990-х гг.:

Секс, секс, как это мило,

Секс, секс без перерыва.

Именно в этот период пережил расцвет такой уникальный жанр, как бардовская песня, по сути представляющая в большинстве своём музыкально-поэтические размышления о смысле жизни. При этом в условиях атеистического (или, по крайней мере, иррелигиозного) состояния массового сознания место веры в творца в иерархии смысложизненных ценностей заняла романтическая любовь. Уже упоминавшийся Е. Евтушенко сформулировал это почти открытым текстом:

И если на свете есть все-таки Бог,

Бог – это женщина, а не мужчина.

Говорю именно о массовой культуре, имея в виду интересы самых широких слоёв народа (прежде всего, интеллигенции) по духовным проблемам. Помимо упоминавшегося уже расширения политической свободы, массовое стремление к самореализации в сфере духа было связано с ограничениями на возможности такой самореализации в других областях (бизнес, публичная политика, криминал и др.). Кажется, Резерфорду приписываются слова, сказанные академику П. Капице: вам хорошо – все талантливые люди вынуждены идти либо в науку, либо в искусство! Не случайно, например,

бардовская песня как массовое явление практически исчезла в 1990-х гг. и начала возрождаться лишь в самое последнее время.

Логично было ожидать, что с окончанием «застоя» в стране произойдёт взлёт духовной культуры. Отчасти эти ожидания оправдались в период реформ (конец 1980-х гг.). Однако с переходом в революционную стадию развития уровень духовной культуры резко пошёл вниз.

Так, в первой половине 1990-х гг. сократился выпуск художественной литературы для детей. В том числе выпуск книг в 1990-94 гг. упал примерно в 3 раза (с 99,5 млн. до 34,9 млн.); разовый тираж журналов – примерно в 6 раз (с 21,8 млн. до 3,6 млн. экземпляров); разовый тираж газет – почти в 20 раз (с 13,3 млн. до 717 тыс.). В целом за первое постсоветское десятилетие выпуск художественной литературы в России сократился в 4 раза и в начале XXI в. составлял в среднем 3 книги на человека, тогда как во многих европейских странах – 10-12 книг.

В дальнейшем ситуация изменилась к лучшему. Количество издаваемых книг за 1990–2007 гг. увеличилось в 2,6 раза, при этом средний тираж сократился в 6,1 раза. В том числе за 2000–2007 гг. количество наименований издаваемых книг выросло почти вдвое, тогда как средний тираж уменьшился более чем на четверть².

Однако, несмотря на это, по данным Левада-центра (на сентябрь 2008 г.), 37% взрослых россиян не читают газет, 54% не читают журналов, 46% не читают книг. Возможности электронной сети как источника текстов используют не более 15% населения, аудиокнигами пользуются лишь 4% опрошенных. Большинство взрослых россиян (64%), по их собственным оценкам, стали за последние 10–15 лет читать меньше. Ещё 16% опрошенных вообще не читали и не читают книг. Таким образом, авторы опроса выяснили, что «доля сохранивших прежний уровень читательской активности или даже повысивших активность чтения книг ... составляет ... в сумме не более четверти взрослого населения»³.

Готовя этот материал к публикации, автор услышал передачу на радио «Свобода» по поводу фестиваля «Кинотавр» 2009 г. Несмотря на различия культурных предпочтений, её участники единогласно заявили, что на фестиваль не было представлено ни одного фильма, который мог бы стать явлением в общественной и культурной жизни. При этом переживания героев в большинстве случаев интересны лишь им самим, да ещё авторам фильма, а их лексика далека от нормативной. В таких условиях искусство периода «застоя» всё более воспринимается как едва ли не идеал подлинной массовой культуры.

Противоречия «застоя»: иное было дано

Между тем, при всех его достоинствах, период «застоя» был обречён – обречён смениться либо реформами, либо революцией. К этому неизбежно вели его противоречия объективного и субъективного характера. Понятно, что эти противоречия базировались на противоречиях социализма как особой фазы развития нового общества. Дискуссия о последних (включая основное противоречие социализма) велась долго и не слишком продуктивно. Оставляя её прошлому (или будущему), остановимся лишь на тех противоречиях (во многом субъективного характера), которые в конечном итоге привели к гибели второй сверхдержавы мира и к поражению революции, 10 дней которой в своё время потрясли мир. Впрочем, не будем строго судить предшественников, ибо много легче анализировать противоречия процесса, который уже завершён. Как говаривал Гегель, сова Минервы вылетает к ночи, т.е. мудрость посещает исследователей постфактум, когда исправить уже ничего нельзя.

² Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Чтение в России–2008. Тенденции и проблемы. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008. – С. 8

³ Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Указ. соч. С. 14, 17, 21, 32-34

Многие в России истолковывали крушение Советского Союза как результат воздействия внешних сил. Мировая история знает, конечно, немало примеров (в том числе относительно удачных) экспорта революции и контрреволюции, а также ещё больше примеров того, как революцию объясняли заговором внешних сил. Поскольку на протяжении 1990-х гг. автору неоднократно приходилось высказываться на эту тему и поскольку менять позицию нет никаких оснований, воспроизведу здесь собственные размышления, которые, увы, становятся всё более актуальными по мере того, как среди людей, своими руками (или голосами на выборах) помогавших разрушать основы собственного благополучия, на фоне углубляющегося кризиса крепнет вера в то, что они стали жертвой заговора внешних сил.

«Заговоры, конечно, всегда были и, надо полагать, будут. Но никакой заговор не в состоянии разрушить государство, если для этого нет внутренних предпосылок. Сомневающиеся могут попытаться путем заговора разделить на составляющие, например, Испанию или Швейцарию, а ведь это тоже многонациональные государства.

...Версия заговора: выступает в двух вариантах. Начнем с первого, наиболее одиозного — заговора сионистов (в зависимости от уровня культуры различные авторы говорят также о «жидомасонах», «малом народе» и т.д.). Разумеется, ни один серьезный политолог не может и не будет отрицать существование международного еврейского капитала (наряду с армянским, китайским и т.п.), равно как и активную деятельность израильского лобби в Соединенных Штатах (наряду с другими лобби). Однако отсюда вовсе не следует, что этот капитал и это лобби стремились к разрушению Советского Союза (почему не Китая или Индии?) и что эта задача была им по силам. И уж тем более все это не может служить оправданием антисемитизма. Если, например, в Соединенных Штатах в последнее время резко активизировалась «русская» мафия и даже теснит знаменитую Коза Ностру (ура, мы хоть где-то «ломим»), то это вовсе не означает, что именно российская эмиграция угрожает американской стабильности, а ко всем русским надо относиться, как к мафиозным элементам.

С небольшими коррективами то же самое можно сказать и о другом варианте версии заговора, который в роли могильщиков Союза представляет крупные иностранные державы, прежде всего США. Безусловно, в Соединенных Штатах существует киссинджеровское направление в политике, сторонники которого считают, что Россия всегда останется соперником Америки, независимо от того, какую общественную систему она (Россия) изберет. Безусловно, правящая американская элита не заинтересована в сохранении сильного политического и экономического конкурента и хотела ослабления Советского Союза. Но вряд ли она хотела его разрушения. Бывшая великая держава, разваливающаяся и кровоточащая, стала едва ли не самым нестабильным регионом в мире и угрожает похоронить под своими обломками не только собственные народы, но также сытый и привыкший к сравнительному спокойствию Запад. Вот почему американцы, сколько было возможно, поддерживали не Ельцина, а Горбачева, призывая российского и других республиканских лидеров к взвешенности и предупреждая общественность об опасности разрушения государства»⁴.

В дополнение к написанному в 1992 г. стоит сделать два замечания.

Во-первых, тот факт, что руководство Соединённых Штатов Америки и Организации Северо-Атлантического договора, желая ослабления Советского Союза, в своё время боялось его неуправляемого распада, отнюдь не означает, что после разрушения СССР оно поддерживает интеграционные процессы на его бывшей территории. Как раз наоборот: опубликованные в печати высказывания лидеров блока и, в частности, государственного секретаря США свидетельствуют об активном неприятии союза России и Белоруссии, а равно и о поддержке позиции Украины, от этого союза

⁴ Смолин О.Н. Куда несет нас рок событий? // Иртыш. Альманах Омской писательской организации Союза писателей РФ. — Омск. — 1992. — № 2. — С. 14—15

дистанцирующей. Однако и в этом случае внешний фактор, хотя и влиятельный, не является определяющим в отношениях трёх славянских государств.

Во-вторых, когда под занавес новейшей революции между высокопоставленными российскими чиновниками, включая тогдашнего премьера В. Черномырдина, и американскими политологами неожиданно развернулась публичная дискуссия по поводу международного статуса России и её внешней политики, правы были вторые, утверждавшие, что Советский Союз проиграл «холодную войну», а не первые, возмущённо это отрицавшие. Действительно, «административно-бюрократический социализм» в условиях нового витка технологической революции не выдержал соревнования с «социальным капитализмом», главным образом, по способности ассимилировать научные открытия и технические разработки. Но отсюда вовсе не следует, что российская революция — прежде всего результат внешних влияний.

Первое из реальных противоречий застоя уже отмечалось: это противоречие между эгалитарной природой нового общества и гипертрофированным при данных исторических условиях уровнем социального равенства (уравниловкой), с одной стороны, и необходимостью стимулирования высококвалифицированного и эффективного труда — с другой. Массовые проявления этого противоречия общеизвестны и зафиксированы массовым же сознанием: от Афонии и «Служебного романа» в киноискусстве до многочисленных политических анекдотов. В одном из них японцы, приехавшие в СССР, заявляют: то, что у вас называется рабочим днём, у нас — обеденным перерывом.

Более важен другой вопрос: могло ли это противоречие быть разрешено без революционного разрушения системы как таковой? Ответ отечественных либералов известен и сформулирован в названии книги «Иного не дано»⁵.

Автору, однако, представляется, а опыт Китая этот подтверждает, что, напротив, иное было не только дано, но и необходимо. Дано в случае, если бы косыгинские реформы в экономике не были свёрнуты, а позднее страна начала двигаться по одному из возможных путей реформирования (например, китайскому), который открыл бы возможность развития экономической инициативы, не ликвидируя государственно-общественных форм контроля над средствами производства.

Необходимо, ибо альтернативой реформам стала «вторая русская революция» (или контрреволюция), разрушившая не только систему, но и страну, и принеся ей множественные катастрофы, а народу — многочисленные бедствия. Путём разрешения данного противоречия должен был стать путь действительных реформ. Но не стал.

Второе противоречие «застоя» лежит в национально-государственной плоскости. Это противоречие между объективной заинтересованностью народов в развитии союзного государства и стремлением национальных элит к полновластию вплоть до отделения. В названный период оно приобрело форму противоречия между суперцентрализацией и сепаратизмом.

Трудно удержаться и не привести два примера мифов новейшей российской революции. Имеется в виду миф о распаде «последней колониальной империи» и миф о «независимости России».

Идеологический миф, согласно которому Советский Союз был последней колониальной империей, оказался настолько прочно «вбитым» в массовое сознание конца 1980-х — начала 1990-х гг., что им пользовались даже специалисты, прекрасно понимавшие, мягко говоря, условность такого представления. В то время автору этой статьи не раз приходилось участвовать в бурных дискуссиях политиков и политологов. Участники дискуссий дружно называли Советский Союз империей (вольно или невольно смешивая понятие империи как формы организации крупного государства с понятием колониальной империи), но вынуждены были постоянно оговариваться, что эта империя необычная: Россию очень трудно было признать метрополией, ибо она отдавала немалую

⁵ Иного не дано. Перестройка: гласность, демократия, социализм / Ред. Ю.Н. Афанасьев. М.: Прогресс, 1988

часть своего национального дохода другим республикам, а, по крайней мере, Украину, Белоруссию и Прибалтику невозможно признать колониями, ибо они имели более высокий уровень жизни, чем «метрополия». Постоянно задаваемый мною вопрос: имеет ли в таком случае термин «последняя колониальная империя» хоть какой-нибудь смысл? — всегда оставался на подобных дискуссиях без ответа.

Никакой критики не выдерживал и другой вариант той же версии: будто все республики, включая Россию, были колониями некоего «Центра». Он вообще сильно напоминал историю из гоголевской повести, в которой нос майора Ковалева совершал свои собственные похождения, независимо от хозяина. Ведь каждому добросовестному школьнику должно быть известно, что колониальной империи без метрополии не бывает и что метрополией в империи может быть только государство, но отнюдь не правительство или ведомство.

Люди, которые разрабатывали названный выше миф, много раз публично заявляли: как только ненавистный «коммунистический Центр» перестанет вмешиваться в дела республик и выведет свои войска, все национальные проблемы решатся сами собой, повсюду воцарятся мир и благодать; рынок автоматически наладит экономические связи, и все бывшие части «империи» (прежде всего Россия) пойдут вперёд семимильными шагами.

На самом деле и Центр (т.е. Горбачёв) давно уже не был коммунистическим, и прогнозы эти подтвердились с точностью «до наоборот». В действительности Советский Союз представлял собой не колониальную империю, а много- и наднациональное государство, подобно тому, как разные варианты таких государств представляют собой США, Великобритания и Индия.

Однако вершиной новейшего российского революционного мифотворчества должен быть признан миф о «независимости России». Автор этой статьи принадлежал к числу очень немногих российских депутатов, не голосовавших 12 июня 1990 г. за государственный суверенитет России и верховенство её законов над законами Советского Союза. Аналогичную позицию в отношении Беловежских соглашений официально, через голосование, выразить не удалось, поскольку вопрос рассматривался только Верховным Советом, а не Съездом народных депутатов России. Мифологический характер идеи «независимости России» от Советского Союза был очевиден уже в то время, и доказательством тому может служить отрывок из уже цитировавшейся статьи, основная аргументация которой нисколько не устарела, несмотря на её публицистический характер.

«Вообще-то создание новых мифов в революционную эпоху — вещь столь же обычная, как и разрушение старых, но здесь мы имеем дело с мифом уникальным по своей нелепости и претенциозности... Если Россия получила независимость, то спрашивается, от кого? Говорят, от горбачевского руководства. Но разве это руководство было немецким или китайским? И как быть с тем, что именно это руководство обвиняли в «русификаторстве», «русском империализме», «оккупантстве» чуть ли не все новые республиканские лидеры, кроме команды Бориса Ельцина?

Не менее нелепо выглядит версия независимости России от Украины, с которой она воссоединилась в результате Переяславской Рады, от Грузии, которая вошла в состав Российского государства по Георгиевскому трактату, равно как от Средней Азии или Прибалтики, которые были Россией завоеваны.

От чего на самом деле стала «независимой» Россия, так это от целого ряда исторически принадлежавших ей территорий, от 25 миллионов наших соотечественников, превратившихся в иностранцев, от стратегического паритета, от космодрома «Байконур» и Черноморского флота и т.д. и т.п. Кому только на пользу такая «независимость»?⁶

В постсоветское время, особенно с лёгкой руки В. Жириновского, понимающего в исторических закономерностях примерно столько же, сколько чеховский «учёный сосед»

⁶ Смолин О.Н. Куда несет нас рок событий? // Иртыш. Альманах Омской писательской организации Союза писателей РФ. — Омск. — 1992. — № 2. — С. 16—17

– в космологии, распространилась точка зрения, согласно которой причиной распада Советского Союза стал... сам Советский Союз! По этой версии, бездарные большевистские лидеры, в отличие от отцов-основателей США, организовали государство по национальному принципу и тем самым обрекли его на гибель. При этом сторонники подобной концепции не могут (точнее, не хотят) понять двух простых вещей.

Во-первых, по национальному принципу в большинстве случаев вынуждены организовывать государство практически все страны с компактно проживающими этносами (Великобритания, Испания, франкоязычный Квебек в Канаде и т.п.).

Во-вторых, большевики не только не разрушили государство, но сохранили его в единственно возможной после двух революций и гражданской войны форме – форме союзных республик. Доказательством «от противного» этому утверждению могут служить неуклюжие попытки властей Российской Федерации предлагать Белоруссии войти в состав РФ целиком или по частям, – попытки, отвергнутые даже наиболее пророссийским лидером в СНГ Александром Лукашенко. А ведь ситуация на рубеже 1920-х гг. и 1990-х гг. во многом была однотипной.

В действительности разрушение Советского Союза во многом было платой, с одной стороны, за чрезмерную централизацию системы, поскольку даже элементарные вопросы, возникающие в союзных республиках, нередко приходилось решать в Москве. С другой стороны, это была плата за бесконтрольность региональных руководителей в обмен на их лояльность. Попросту говоря, существовало негласное соглашение между центральной и региональными элитами: мы не мешаем вам властвовать, а иногда обогащаться, а вы делаете вид, что храните верность Центру и идеологии.

Убеждён: революция (или контрреволюция) начала 1990-х гг. была отнюдь не демократической, но бюрократической. Не случайно Эдуард Лимонов назвал её «революцией замов и экспертов», а Александр Солженицын – «преображенской революцией», имея в виду преобразование псевдо-коммунистических функционеров в антикоммунистов и, соответственно, в «новых русских». Но при этом один из ведущих элементов бюрократической революции – национальный. Именно второй эшелон бюрократических элит, включая элиты национальные, осознал, что в процессе приватизации он получит богатства, а в национальных республиках – ещё и власть, и избавился от всякого контроля. Естественно, что, услышав лозунг Б. Ельцина «Берите суверенитета, сколько проглотите», они с ещё большей энергией устремились в разные стороны.

Полагаю, что и это противоречие могло быть разрешено, если бы союзная власть, с одной стороны, обеспечила более широкие полномочия республик и других национальных государственных образований, а с другой – поставила национальные элиты под более жёсткий контроль не только «сверху», но и «снизу», т.е. со стороны собственных народов.

Третьим по счёту, но не по важности, следует назвать нарастающее противоречие между управляющими и управляемыми, связанное с бюрократизацией системы. Среди прочего, это противоречие выразилось в нарастающем разрыве между официальным и оперативными кодами морали. Первый охватывает систему официально провозглашаемых норм поведения, как правило, хотя не всегда, освящённых авторитетом той или иной религии. Второй код вбирает в себя совокупность норм, которыми члены общества руководствуются в практической жизни. А поскольку речь идёт, преимущественно, об обществах с рыночной экономикой, подобную мораль можно назвать «рыночной».

Общеизвестно, что эта мораль далеко не всегда совпадает с требованиями закона и ещё гораздо реже отвечает критериям «безгрешного» поведения. Чрезмерный разрыв между двумя системами морали опасен для общества, а потому оно стремится по возможности уменьшить «дистанцию» между ними. Такой разрыв, между прочим, стал одним из факторов крушения советской системы. И не потому, что уровень морали общества даже в эпоху «развитого социализма» был так уж низок. Напротив, он был

никак не ниже морального уровня в обществах индустриально развитых странах хотя бы потому, что в СССР сохранялись ещё значительные элементы традиционного общества. Просто провозглашаемая мораль была так удалена от «земли», что соблюдение её даже для порядочного человека оказывалось весьма затруднительным, и при этом любые отступления от этой морали, в особенности со стороны «верхов», воспринимались особенно болезненно. В противоположность этому «западное» общественное сознание (или подсознание) так или иначе исходит из представления о греховности «человеческой природы», и даже церковь отпускает грехи раскаявшимся. Иначе говоря, разрыв уменьшается не только и, может быть, не столько путем возвышения оперативной морали до официальной, сколько удерживанием этой самой официальной морали от чрезмерного возвышения.

В России на рубеже 1990-х гг. разрыв между официальным и оперативным «кодами» морали, казалось бы, должен был увеличиться. Действительно, коммунистическая (или квазикоммунистическая) мораль была объявлена сугубо классовой и в этом смысле низкой, и ее, согласно официальным заявлениям, следовало заменить общечеловеческой (в том числе христианской). Поскольку же речь шла о периоде первоначального накопления капитала, практическая мораль, естественно, стать выше уж никак не могла. Однако произошло иное — раздвоение самой официальной морали. В средствах массовой информации и даже со стороны официальных лиц призывы соблюдать христианские заповеди поразительным образом сочетались даже не с их нарушением на практике (это дело обычное), но с пропагандой прямо противоположных ценностей. Популярны журналисты, комментаторы и политики регулярно внушали аудитории, что в криминальном характере новейшего российского капитала нет ничего плохого, что все страны прошли тем же путём, что в конце концов потомки вчерашних пиратов, воров и «разбойников с большой дороги» цивилизовались и стали двигателем прогресса и т. д.

Как известно, И. Сталин лично не стремился к обогащению, но довольствовался фактически абсолютной властью. Напротив, уже в хрущёвский, а особенно в постхрущёвский период началось постепенное формирование управленческой элиты, отличной по образу жизни от основной массы народа, а по ценностям – от официально провозглашаемых лозунгов. Это перерождение во многом и подготовило бюрократическую революцию. Однако следует отметить, что и в этом отношении постсоветская (или антисоветская) эпоха лишь усугубила данное противоречие. Именно бюрократия оказалась общественной группой, в наибольшей мере выигравшей от «демократии». Доказательства бюрократической природы новейшей российской революции содержатся в ответе на древний вопрос: кому выгодно? Главные из них состоят в следующем:

- численный рост управленческого аппарата в постсоветский период (в центре – примерно в три раза, в регионах – в полтора-два раза)⁷;

- радикальное улучшение положения управленцев по отношению к общественным группам, получающим доходы от исполнительской деятельности, а в большинстве случаях – и по отношению к советскому уровню их собственных доходов с учётом инфляции при одновременном росте затрат на обслуживание управленческого аппарата и так называемых привилегий. Например, в СССР, как и в индустриально развитых странах Запада, зарплата профессора была приблизительно равна заработной плате депутата парламента (Верховного Совета СССР) и немногим менее зарплаты министра. В настоящее же время разница между бюджетной зарплатой профессора и депутата Государственной Думы (не говоря уже о министре) составляет приблизительно 7 раз;

⁷ http://www.hrm.ru/db/hrm_old/CB709ED83C0F960FC3256AAB00424299/category.html

- предельное ослабление контроля над управленческим аппаратом как «сверху», так и «снизу» вследствие, с одной стороны, исчезновения партийно-идеологического контроля, а с другой – свёртывания демократии и нарастания авторитаризма;

- присвоение в процессе приватизации непропорционально большой доли бывшей государственной собственности, что по значимости на порядок превосходит все остальные доказательства вместе взятые.

В период «застоя» пределом мечтаний советского бюрократа был хорошо известный номенклатурный набор: машина, квартира и шуба жене. В настоящее же время в России сращивание власти и бизнеса обрело масштабы, несопоставимые с другими развитыми странами.

Таковы некоторые ситуационно- типовые и исторически-особенные характеристики и противоречия «застоя» как общественного явления. Думаю, Россия ещё долгие годы (а, быть может, никогда) не вернёт себе того статуса, а народ – того уровня социальных гарантий, какой они имели в тот ушедший исторический период. А потому в массовом сознании этот период ещё достаточно длительное время будет восприниматься как «потерянный рай», где было хорошо, но куда вернуться невозможно.